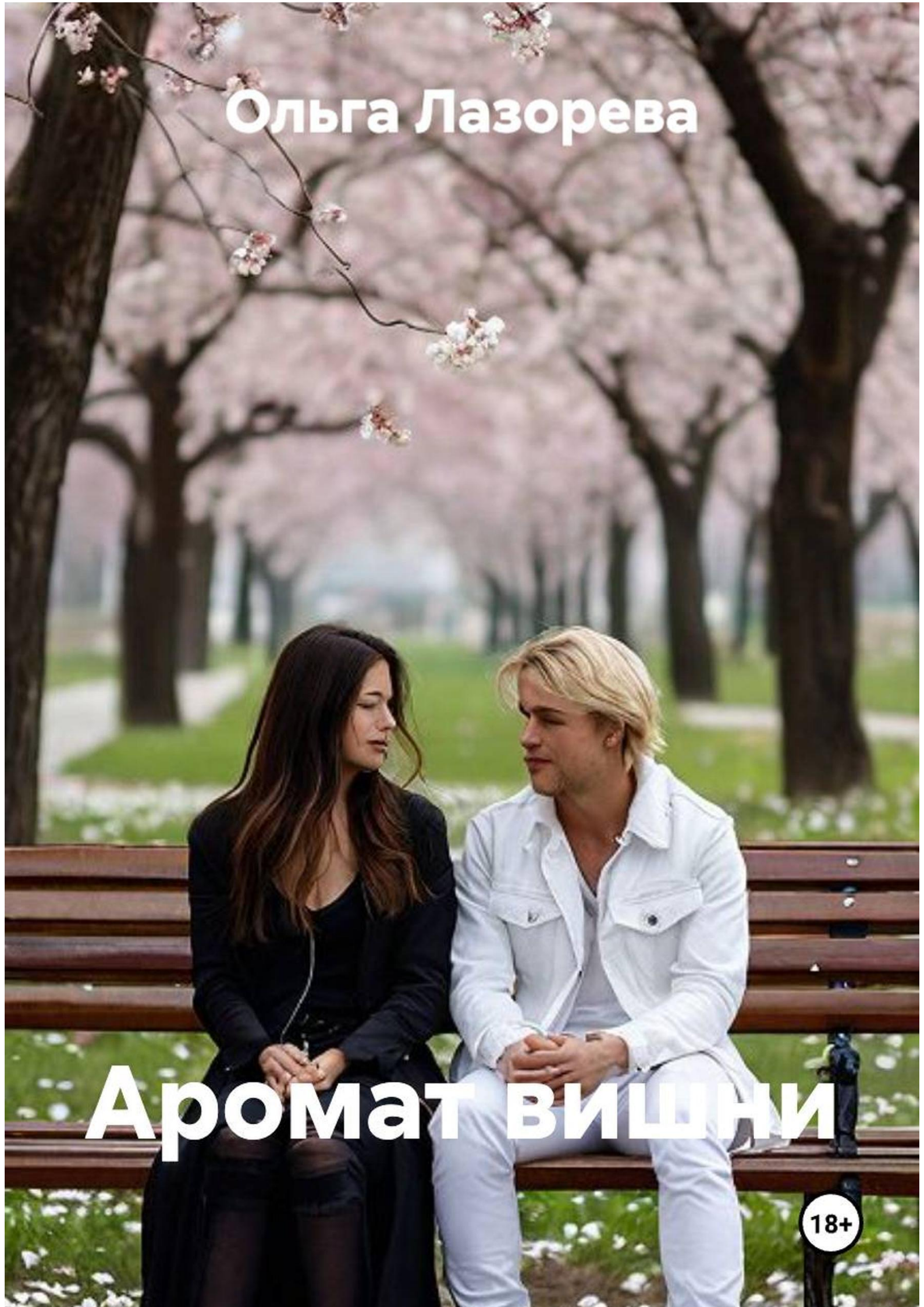

A romantic scene in a park during cherry blossom season. A young woman with long dark hair, wearing a black coat, and a young man with blonde hair, wearing a white jacket and white pants, are sitting on a wooden bench. They are looking at each other and holding hands. The background is filled with trees in full bloom with pink and white blossoms. The ground is covered with fallen petals.

Ольга Лазорева

Аромат вишни

18+

Ольга Лазорева

Аромат вишни

«Автор»

2026

Лазорева О.

Аромат вишни / О. Лазорева — «Автор», 2026

Романтика, приправленная мистикой – именно это объединяет рассказы, представленные в данном сборнике. И все они о любви. Разные люди, разные судьбы, разные проявления любви – целая палитра чувств и ярких эмоций ждет читателя в этих историях и заставит о многом задуматься.

© Лазорева О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Лазорева

Аромат вишни

Писатель

«...Моя душа пуста. Это безграничный вакуум, в котором можно пропасть. Пропать и... упасть... в пропасть».

Данила криво усмехнулся и откинул со лба длинную темную челку. Его серые глаза, обычно жесткие и холодные, смотрели на море, на садящееся красное солнце с легкой печалью.

На берегу было пустынно. Прохладный осенний ветер дул мягко, но безостановочно.

«Что дальше?» - подумал Данила и вновь усмехнулся.

Нагнувшись, он сгреб в горсть холодную влажную гальку. И стал медленно перебирать гладкие камушки, с удовольствием ощущая их отполированную поверхность. Потом размахнулся и забросил гальку в море.

Данила двинулся неторопливо вдоль кромки воды, не отрывая глаз от полыхающего горизонта.

«Дальше? А зачем? Я знаю лишь одно: сейчас, сию минуту я – пуст. Так пуст, словно не существую».

Он остановился и закрыл глаза, глубоко вдыхая сырой воздух.

«Почему это происходит со мной? Не знаю. Но меня больше никто и ничто не волнует и не интересует. Кто я? Что я? Пустота. И эта пустота ходит, двигает руками, пытается рассуждать».

Данила вздохнул и почувствовал легкость во всем теле, словно остаток его существа начал неотвратно растворяться в вакууме. И это почти обморочное ощущение медленного исчезновения доставляло ему тонкое наслаждение.

- Привет! – вдруг услышал он и открыл глаза с недовольной гримасой.

Перед ним стояла девушка в голубом ситцевом сарафане и, засунув палец в пухлый маленький рот, смотрела немного исподлобья с наигранно капризным выражением больших ярко-синих глаз. Венок из помятых, таких же ярких, как глаза девушки, васильков сполз ей на правое ухо, чудом удерживаясь на рыжих кудрявых волосах, которые нещадно трепал ветер. Пряди то и дело падали ей на лицо, почти закрывая его, но девушка откидывала их в сторону и вновь смотрела на Данилу. На вид ей было за двадцать, но она строила из себя подростка. Веснушки, гладкая розовая кожа, припухший, как у ребенка, рот, отсутствие косметики могли бы ввести в заблуждение, но глаза выдавали ее настоящий возраст. Девушка переминалась с ноги на ногу, и ее босые маленькие ступни оставляли вмятины на сыром песке.

- Убери палец изо рта, тебе это не идет, - хмуро заметил Данила. - Ты кто?

Ему почему-то захотелось снять с себя шерстяной свитер и закутать в него девушку.

- Весна, - ответила она нежным чистым голосом и вынула палец изо рта, опустив руку.

Ее нижняя губа была влажной, и Данила, не отрываясь, смотрел на нее. Во рту у него пересохло. Он откашлялся и сказал:

- Кончай придуриваться! Как тебя зовут на самом деле?

- Весна, - певуче повторила девушка.

Ее губы дрогнули, и она, закинув голову назад, звонко расхохоталась, обнажая мелкие белые зубы. Васильковый венок соскользнул и упал на песок. Девушка перестала смеяться и шагнула к Даниле. Она мягко положила руки ему на плечи и глубоко заглянула в глаза. Он мгновенно погрузился в чистую синеву ее взгляда и почувствовал в осеннем ветре сырую свежесть мартовского дня и теплое прикосновение солнечных лучей. Он даже услышал оглушительное и многоголосое чириканье воробьев, какое можно услышать только ослепительным

весенним утром. И это ощущение просыпающейся природы и очередного возрождения, все того же повторяющегося из года в год, начало заполнять маленькую часть безмерного вакуума его души неясной радостью. Оно стало быстро разрастаться, словно сильные зеленые побеги потянулись в разные стороны и, заплетая, оживили пустоту. Данила отдался во власть этого неожиданного захвата его мира и мгновенно почувствовал прилив энергии.

Естественным движением было обнять девушку и прижать к себе. Закрыв глаза, Данила нашел ее мягкие губы своим нетерпеливым пересохшим ртом и начал, не отрываясь, целовать. Он ощутил, как уходит легкость и приходит желание, и все его тело наливается тяжестью. Он перестал чувствовать свежесть весеннего ветра, и гнетущая печаль вошла в его сердце.

- Нет! – вскрикнул он и оттолкнул девушку, скользнув потухшим взглядом по ее зарозовевшему лицу.

Он больше не видел синих прозрачных глаз, а только влажные приоткрытые губы.

- Нет! - зло повторил он и добавил с еле сдерживаемым раздражением: - Проваливай!

...Данила закрыл глаза и опустил на сырой песок, обхватив голову руками. Он почувствовал, как его душа сжимается и, сделав усилие, освобождается от остатка только что испытанных эмоций. И вновь становится пустой. Он с наслаждением погрузился в эту пустоту и замер, словно в невесомости. Мрак и тишина окружили его. Он подождал немного, но ничего не происходило.

Данила открыл глаза и понял, что он по-прежнему в темноте и к тому же не ощущает своего тела.

«Я умер? – возникло в сознании, и страх сжал душу. – Где я?»

Он почувствовал себя маленьким мальчиком, которого наказали и оставили одного ночью в запертой комнате. И этот пришедший из памяти ужас перед темнотой и одиночеством мгновенно довел его почти до безумия.

- Не хочу! Нет! Выпустите меня отсюда! – закричал он как в детстве, и из-под резко зажмуренных век брызнули слезы отчаяния.

- Тихо, тихо, сынок, успокойся, - раздался голос, и Данила замер, вспоминая этот забытый тембр, эту интонацию и тут же узнавая.

Он вытер глаза и начал различать в окружающем мраке неясное пятно. Это было лицо давно умершего отца.

- Папа? – тихо спросил он.

И потянулся всем существом к этому неясному видению. Страх медленно уходил из сжатой души.

- Папа..., - повторил он.

И любовь, которую он всегда испытывал к отцу, любовь сильная, немного болезненная из-за того, что отец не жил в семье, а лишь изредка появлялся в его жизни, вновь затопила его душу с прежней страстью и болью.

- Папа, - сказал он и расплакался как в детстве, - я так скучаю по тебе! Я все-все помню, все твои слова, твой голос, твой запах. Я все еще люблю тебя и не перестану никогда.

- Я знаю, сынок. Успокойся. Сейчас ты понимаешь, что не нужно бояться смерти. Ты – жив, а я – умер. Но что изменилось между нами? Ведь и твоя и моя любовь остались. Не так ли?

- Да, - ответил Данила, счастливо улыбаясь.

И тут же почувствовал, как большая мягкая ладонь легла ему на лоб. Он легко вздохнул, успокаиваясь, и мгновенно провалился в сон...

...Данила проснулся от мимолетного щекочущего прикосновения к своей щеке чего-то маленького и мягкого. Открыв глаза, он увидел стройные коричневые стволы молодых сосен, убегающие вверх в голубой купол неба, и порхающий силуэт бабочки, удаляющийся от его лица. Солнечные лучи пронизывали лес искрящимися нитями. Смолистый, разогретый летним жаром аромат сосен пропитывал воздух, смешиваясь с запахом цветов, ягод и трав, и Данила

с наслаждением глубоко вдохнул его и улыбнулся. Под лопатками он почувствовал упругий ковер мха и улегся удобнее, полностью расслабившись. Он машинально перебирал пальцами мягкие травинки, бездумно глядя в небо. Почувствовав под правой ладонью влажные шарики, вырвал стебельки и поднес к лицу кустик с крупными спелыми ягодами земляники. Какое-то время он любовался их совершенной формой, бархатной красной поверхностью с крошечными желтоватыми шариками семян, вдыхал сладкий ягодный запах. Потом раздавил языком ароматную прохладную мякоть, ощутив спокойное, чисто животное удовольствие.

«Будто причастился», - почему-то подумал Данила и вытер губы тыльной стороной ладони.

Он снова устремил взгляд в небо и почувствовал, как душа словно тает и начинает раскрываться навстречу потоку солнечного света. Он не стал препятствовать этому и полностью отдался ощущениям.

И вот душа его распахнулась и впустила мощный животворный поток энергии, который мгновенно заполнил ее до краев.

«Как хорошо! – подумал Данила и даже зажмурился от удовольствия. – И как просто! Нужно лишь ощущать себя частичкой и этой земли, и этого неба, и даже травы и пропускать через себя потоки энергии, которые все пронизывают и все скрепляют. Я – часть природы и ничего более! Какое наслаждение слиться со всем этим!»

Данила окинул взглядом сосны, зеленые иголки хвои, просвечивающую между ними яркую голубизну неба. Он вскочил полный сил и, весело посвистывая, пошел быстрой упругой походкой между деревьями, сам не зная куда, оставляя за спиной свежесть зелени, сухой жар лета и поблескивающие золотом нити паутины...

...Неожиданно Данила очутился в стогревшем лесу. Он шел на закат. Ноги при каждом шаге мягко утопали в золе. Вокруг торчали черные обгоревшие остовы стволов деревьев, небо было багровым от света садящегося солнца. Серовато-черная смесь пепла и сажки под ногами, угольно-черные стволы на фоне кроваво-красного неба и огромный раскаленный полукруг садящегося солнца привели Данилу в неопишуемый ужас. И он, сам не понимая зачем, побежал изо всех сил к садящемуся светилу. Он ощущал сумасшедший стук сердца, кровь билась в висках, в носу стоял запах гари, и Данила начал задыхаться. Он выскочил на край обрыва и, не удержавшись, полетел почему-то не вниз, а на солнце, полетел неудержимо, как мотылек на огонь.

Данила ощутил ни с чем несравнимый и никогда ранее не испытанный восторг, его душа разрывалась от счастья, и яркие жгучие искры экстаза ослепили и обожгли все его существо. Он ничего уже не боялся, ничего не понимал, какие-то невероятные фантастические картины проносились в его мозгу, и он мог по своему желанию задержать их и даже внедриться внутрь. Но на самом пике эйфории, когда его перенасыщенная душа готова была разорваться, Данила почувствовал, как тяжелая ладонь надавила сверху на его голову, и от этого прикосновения он стремительно полетел вниз...

...Шелковые простыни приятно охладили обнаженное, разморенное со сна тело. Данила сладко потянулся и открыл глаза. В спальне царил приятный полумрак. Кондиционированный воздух вливался в легкие чистой прохладой. Данила потянулся еще раз и сел на постели, опустив ноги на пол. Под босыми ступнями он с удовольствием ощутил мягкий ворс пушистого ковра. На низком стеклянном столике возле кровати стояло фарфоровое блюдо, доверху заполненное разнообразными фруктами. Данила лениво взял грушу и впился в ее мякоть зубами. Раздался звонок сотового. Данила, поговорив пару минут, бросил телефон на кровать и подошел к окну. Раздвинув шторы, он привычно глянул вниз на свою новую дорогую машину.

«Пора ехать, - подумал он, внутренне сосредоточившись. – Дел, как всегда, много. И все они прибыльные».

Он самодовольно усмехнулся и отправился в душ.

Позавтракав и тщательно одевшись, вышел в коридор и остановился у большого, во всю стену зеркала, глядя на свое отражение и приглаживая волосы рукой. Потом на мгновение замер, приблизив лицо. На него смотрел молодой, симпатичный, ухоженный мужчина. Но губы были сжаты, глаза холодны, выражение лица жесткое и самоуверенное.

«Пора», - подумал Данила и взял ключи от машины.

Но странная тоска вошла в душу. Он присел на кушетку и сжал пальцами виски.

«Все одно и то же изо дня в день! Скука какая. Скука... Чем больше у меня денег, тем меньше у меня свободного времени и тем больше мои расходы. Замкнутый круг. А дальше что? Все мои так называемые друзья и якобы любимые женщины, все мои родственники хотят лишь одного – моих денег. А мои партнеры? Утопить и завладеть опять же моими деньгами. Дерьмо все это. Весь мир вертится только вокруг денег! Я с утра до ночи и с ночи до утра занимаюсь одним – зарабатываю деньги. А не пошли бы они....»

Данила вдруг расхохотался, чувствуя явное облегчение...

...Творец играл с удовольствием. Раскрыл левую ладонь, и на ней возник большой прозрачный шар. Приблизив лицо, Творец стал рассматривать движение энергетических потоков внутри шара. Потом легко дунул, и шар мгновенно опустел.

Творец улыбнулся и раскрыл другую ладонь. В центре ее появилась стройная рыжеволосая девушка. Она поправила сползающий с ее волос васильковый венок и начала кокетливо улыбаться. Творец сблизил ладони, и девушка проникла в пустующий шар. Но скоро покинула его и исчезла в пространстве. Творец рассмеялся.

Внутренность шара начала чернеть. Творец строго глянул на появившегося старика, потом кивнул ему. Старик приблизил лицо и заглянул внутрь шара. Затем медленно отодвинулся и исчез.

Творец взял шар в обе ладони и посмотрел сверху в глубину вакуума. Увидел белое облачко, зеленые кроны сосен, бегущие вниз коричневые стволы и на самом дне фигуру лежащего юноши, который смотрел прямо на него. Творец на миг замер, встретившись с его пристальным взглядом.

Потом нахмурился и перекатил шар на левую ладонь, сжав в кулак правую. Шар окрасился в красные тона, и черные тени обвили его со всех сторон. Творец почувствовал боль и, задержав это ощущение на миг, отпустил шар. Шар полетел вниз, но Творец тут же поймал его в ладони.

Боль пропала, и появилось желание поиграть в скучные земные игры. Но это быстро надоело. Творец решил, что пришла пора для настоящей игры.

Шар разросся до огромных размеров, а Творец одновременно с этим разрастанием становился все меньше. Затем скользнул внутрь и очутился в маленькой, просто обставленной комнате. Творец приблизился к Даниле, который сидел за письменным столом лицом к окну. Перед ним лежал лист бумаги, исписанный наполовину. Данила грыз кончик ручки и невидяще смотрел прямо перед собой. Потом он скомкал лист и бросил его на пол. Какое-то время Данила тихо плакал, положив голову на скрещенные руки. Его душа, переполненная тоской, постепенно освобождалась, и боль начала утихать.

Дождавшись этого, Творец слился с этой душой.

Данила выпрямился, его глаза засияли. Как будто услышав что-то важное, он схватил ручку и чистый лист и начал писать:

«Моя душа пуста. Это какой-то безграничный вакуум, в котором можно пропасть. Пропасть и... упасть... в пропасть...»

Его беседы

- Ты! Ты жесток! – зло пробормотал Алексей и посмотрел укоризненно в дальний угол комнаты.

Белая фигура, стоящая там, казалась голубой из-за густого синего света зимних сумерек.

- Жесток беспредельно и совершенно неоправданно, - упрямо повторил Алексей и почесал волосатую грудь в распахнутом вороте пижамы.

- Ты ошибаешься, - слышалось из угла.

И фигура, приблизившись, опустилась на соседнюю кровать.

- Нет! Все именно так! – взвизгнул Алексей, а потом начал истерично хохотать. Немного успокоившись, пробормотал: - Мне уже тридцать три, и я кое-что понимаю в этом мире. Сознайся, тебе нравится твоя же собственная жестокость. Так? Да ты просто упиваешься ею! Садист!

Алексей замолчал, его рот искривила гримаса, брови нахмурились.

- Ведь я люблю ее! – звонко, сорвавшимся голосом продолжил он, не дождавшись ответа.

- И ты знаешь, как сильно! И она меня тоже. И вот, по твоей милости, все это непонятно и ненормально закончилось. Почему? Ты можешь мне внятно объяснить? Ведь я – люблю! Понимаешь ты это? Люблю!

Алексей почти кричал. Фигура не шелохнулась. После небольшой паузы раздался мягкий голос:

- Я знаю. И ясно вижу. Но пойми ты, вижу одинаково как в твоём сердце, так и в её. То, что я увидел в её сердце, и дало мне право развести вас навсегда.

- Навсегда?! – крикнул Алексей. – Ты сказал: навсегда? Да кто тебе дал такое право? Я должен сам! Понимаешь, сам! И никто не имеет права вмешиваться. Даже ты, Господи.

- Ты слышал много раз, что браки заключаются на небесах.

- И что?! – с легкой угрозой в голосе поинтересовался Алексей.

- Она, якобы твоя любимая – твой обман. Ты заслуживаешь лучшего. Зачем тебе ложь и предательство? Когда я в этом окончательно убедился, то развел вас.

- Но это ты убедился! Ты! Понимаешь? А я за что должен так страдать? Ведь это моя девушка!

- Ты уверен? А, может, чужая?

Фигура приподнялась с кровати.

- Куда? – вскрикнул Алексей. – Мы не договорили.

- Чего тебе еще? – раздался тихий голос.

И фигура вновь опустилась на место.

- Правду!

- С ней тебе было бы трудно писать музыку.

- Ах, вот значит как! – закричал Алексей, соскакивая с кровати и угрожающе нависая над сидящей неподвижно фигурой. – И что? Не хочу жить без нее! Не могу писать без любви!

- С ней ты бы в скором времени умер, как художник, как творец.

- Ты-то откуда знаешь? – начал он. – Ах, да...

Алексей замолчал, обхватив пальцами бритую голову. Слезы заструились по щекам. Горькие складки исказили красивый рисунок губ.

- Это пройдет, - мягко проговорил голос. – Надо переждать, и твоя психика восстановится. Ты вновь будешь слышать меня и сможешь записывать.

- Зачем мне это без любви? – с горечью спросил он и упал на кровать. – Я писал для нее, а вовсе не для тебя, как ты думаешь.

- Хорошо. Ответь мне тогда: что такое гармония?

- О! Я знаю это, – радостно проговорил Алексей и сел прямо, глядя на фигуру. – Это – моя единственная радость. Я слышу ее во всем: в смехе моей любимой, в шорохе ее платья..., в шелесте листьев под летним дождем, в звоне тонкой струйки воды из-под крана, в трелях

птиц ранним утром... Долго перечислять. Тебе-то это зачем? Ты же сотворил все это и знаешь лучше меня, что такое гармония.

- Да, я – творец. Но ведь и ты стоишь на этом же уровне. Я вложил в твою душу способность слышать и понимать. И ты тоже можешь творить. А это высшее счастье, доступное человеку. Но из-за этой женщины ты можешь предать гармонию, выбирая смерть. Хочешь, покажу?

И Алексей мгновенно увидел любимую, которая лежала на кровати, и к ней прилип их общий друг. Оба стонали от животного наслаждения.

- Не-е-е-т! – заорал Алексей, тут же закрывая рукой глаза.

- Смотри прямо в сердцевину правды и освободи свое сердце от лжи. Зачем так рано выбирать смерть? Смотри!

Фигура встала. Рядом с ней мгновенно возникла другая вполне классического вида: длинный саван с капюшоном, пустые глазницы черепа и блестящая коса, ручку которой сжимали белые кости кистей. Алексей в оцепенении глядел на видение.

- Смотри!

Фигура легко, словно куклу, развернула Смерть спиной к нему. И он увидел цветущую девушку с ясной улыбкой на розовых губах и венком полевых цветов на растрепанных густых волосах.

- И что? – хмуро спросил Алексей, опустив руки на колени и ссутулившись.

- Жизнь и смерть – две половинки одного целого. Зачем же разворачивать смерть к себе лицом раньше срока?

- Действительно, зачем? – глухо спросил Алексей и невидяще уставился в пол. - Что меня ждет? – после продолжительного молчания поинтересовался он.

- Желание заглянуть в будущее – извечная ловушка, которую следует избегать.

- А все-таки? – упрямо спросил он и пытливо глянул на фигуру напротив.

- А если я скажу, что ты сам создаешь свое будущее именно в эту минуту? А я только корректирую.

- Но ведь ты – всемогущ и всезнающ, и все в твоих руках! - ответил он с вызовом. – Ведь ты всегда карал и миловал по своей воле.

- Устарелое представление.

- Да? – спросил Алексей и саркастически усмехнулся, подтягивая на коленях полосатые пижамные брюки. – А кто беспрерывно мучает меня? Знаю я все твои фишки! Сытый и безмятежный ничего не создаст, - ехидно проговорил он. - Разве это не твои установки? Я родился, и ты дал мне дар, даже не спросив, нужен ли он мне. И чтобы выжать из меня по максимуму, ты давишь меня всю жизнь. Мне тридцать три, твой пресловутый возраст, а сколько я уже всего перетерпел?! И голод, и нужду, и горе, и бесконечную боль, и предательство. Я уж не говорю о тех страстях, которые разъедают меня изнутри, о тех невероятных взлетах и падениях души. И все это только для того, чтобы мой слух, вернее, слух моей измученной души, приобрел необыкновенную остроту и чувствительность, и я услышал и донес на землю твои песни. Вся моя жизнь подчинена только этой задаче. А я?! Обо мне ты подумал, черт тебя дер!

При этих словах фигура чуть вздрогнула и как бы истончилась.

- Извини, зря я черта при тебе упоминаю, - тихо сказал Алексей. – И у тебя свои проблемы, нам неведомые. – После паузы он продолжил с прежней интонацией вызова: – А я – человек! И хочу обычного человеческого счастья. Тебе это в голову, или что там у тебя, не приходило? Хочу дом, жену, детей, простое счастье и заботу близких. Мне так мало надо! Отпусти меня, освободи от этой пожизненной каторги творчества. Зачем ставить меня, простого смертного, на одну доску с тобой, великим творцом мира? Ты – жесток!

Алексей замолчал, сжав виски ладонями и закрыв глаза.

Фигура не двигалась. В комнате было темно. Только тусклый свет фонаря за деревьями бросал причудливые тени через окно на белые стены. Фигура пошевелилась. Тихий голос произнес:

- Я люблю тебя, Алексей, божий человек. И твоя боль – это моя боль. Ты чувствуешь меня сердцем, когда пишешь музыку.

Алексей выпрямился и гневно посмотрел на белый силуэт.

- Надоело мучиться! Хочу избавить себя от страданий и, значит, от тех мелодий, которые рождаются внутри меня от боли и переизбытка мыслей и эмоций. А ведь это твои мысли и эмоции.

- Это спорный вопрос.

- А ты никогда не думал, что в один прекрасный момент я могу не выдержать и разорваться изнутри?

- Напишешь – облегчишься.

- Благодарю! – сказал Алексей, вскочил, по-старомодному щелкнул пятками и резко кивнул, тряхнув волосами.

Но растоптанные шлепки соскользнули, и он чуть не вывихнул лодыжки. Вновь опустившись на кровать, зло проговорил:

- Пусть кто-нибудь другой поживет в таком аду. А с меня достаточно!

- Твою музыку можешь написать только ты, - сказал голос.

- Да ладно тебе! Только я?! Не хочу! Не хочу больше! И не буду! И отстань!

В его голосе появились капризные нотки. Алексей соскочил с кровати, отшвырнул шлепки и забегал босиком по узкому пространству от окна к двери и обратно.

- Отстань, слышишь? – нервно вскрикивал он. – Не хочу больше боли! Верни мне любимую! Пусть она не любит меня, пусть изменяет. Но пусть будет рядом! Всегда! Слышишь, Господи, всегда! Верни мне ее!

- Пусть все остается, как есть. Ты потом спасибо мне скажешь.

- Не скажу!

Алексей остановился и начал лихорадочно грызть ногти. Потом подбежал к фигуре и замер напротив.

- Я – не твой личный раб! Замолчи! – закричал он.

Потом плюхнулся на кровать и заткнул пальцы ушами, продолжая быстро говорить:

- Я еще раз умру! Первый раз не вышло, так умру во второй и уже наверняка.

Фигура встала и приблизилась к нему. Голос спокойно произнес:

- Еще раз повторю: жизнь и смерть – одно целое. Зачем спешить переходить из одного состояния в другое? Всему – свое время.

Но Алексей замотал головой, продолжая зажимать уши.

- Не слышу я тебя, ... бла-бла-бла... И не говори ничего! Я люблю ее, и она меня любила. И это была моя единственная радость. Что ты можешь в этом понимать? В простом земном счастье? Это и была моя гармония. Понимаешь, в чем фишка? Не твоя, и не вселенной, а моя! Только моя личная гармония!

- Ответь мне на один вопрос...

Голос на мгновение замолчал. Алексей опустил руки и поднял голову.

- Почему же тогда она перестала тебе звонить, к тебе приходить и просто исчезла из твоей жизни?

- Да, почему? – оживился он. – Тебе-то лучше знать. Ты же у нас – всевидящее око.

- Но я же тебе все показал. Повторить?

- Нет! – испуганно ответил Алексей, тут же опуская голову.

Из его зажмуренных глаз потекли слезы.

- Очень много в мире зла. А для тебя зло – твоя любимая, - продолжил голос.

- Да мне-то что?! – всхлипнув, закричал Алексей. – Лишь бы была рядом! Это ты знаешь, что она для меня зло. Но я-то нет! Так дай мне возможность самому разлюбить, разочароваться, понять суть моей любимой. Пусть я сам разорву эту связь, когда пойму, что ты прав. Дай мне возможность выбора. Сделай это ради меня! Пусть твоя музыка подождет. Останови пока процесс.

- Ты просишь практически того, что даже я вряд ли смогу исполнить, – задумчиво произнес голос. – Все во вселенной устроено по жестким законам. Если я нарушу хотя бы один из них, то воцарится хаос, и пострадаю я, а значит, и весь мир. Это круг.

- И что?! – заорал Алексей, вскочив с кровати. – Ты можешь все! Так переверни ради меня, простого смертного, вселенную! Сделай из круга квадрат что ли! Хотя бы на время. Что такое отрезок времени моей жизни по сравнению с вечностью? Всего лишь точка! Сделай это ради меня! И верни ее! Дай мне ее! Дай! Дай!!!

Алексей упал на пол и забился в истерике, продолжая что-то выкрикивать.

Фигура растаяла, как только в палату вбежали санитары, за ними появился врач. Алексея быстро скрутили и ввели лекарство. Через несколько минут, бледный и расслабленный, он лежал на кровати, провалившись в глубокий полубоморочный сон. Санитары, подождав немного и видя, что он неподвижен, вышли, тихо притворив за собой дверь...

...Через два месяца, когда его состояние значительно улучшилось и стабилизировалось, Алексея выписали из клиники. Погода стояла холодная, но чудесная. Яркое мартовское солнце заливало землю золотым сиянием. Когда Алексей вышел на свет божий, его глаза невольно прищурились, но бледные губы улыбались.

И тут он, обмирая в душе, увидел, что у ворот клиники стоит она, его любимая, и держит в руках белые тюльпаны, его любимые цветы. Алексей бросился к ней, смешно разъезжаясь ногами на подтаявшем скользком снегу. Обняв дрожащими руками, уткнулся носом в ее пушистые волосы.

- Здравствуй, – тихо сказала она, отстраняясь, и тут же подставляя губы для поцелуя.

Алексей припал к ним, как к живительному источнику. Потом оторвался, глядя ей в лицо, словно не веря. Она опустила голову, прикрывая ресницами лживые глаза и пряча лукавую улыбку. Затем прижалась щекой к его плечу.

- Благодарю, Господи, – прошептал Алексей, чувствуя, как от счастья начинает кружиться голова, а в ушах звучит новая ликующая и пока неизвестная ему мелодия....

Репетиция

Странная эпидемия поразила москвичей в конце 20.... года. Заболевший внезапно останавливался, застывал с крайне странным выражением, зрачки до отказа расширялись, уголки губ неудержимо ползли вверх. Затем человек падал и лежал в некоей прострации. Если в течение пяти минут его не выводили из этого состояния, он умирал все с той же улыбкой. Заражение происходило неведомо как. В народе стали говорить, что стоит лишь посмотреть в глаза заболевшего, как у тебя самого мгновенно расширятся зрачки, губы помимо воли начнут улыбаться, и потом – все! – неизбежный конец. Поэтому многие перестали смотреть в глаза друг другу, и при встрече отворачивались.

Врачи тщетно пытались определить возбудителя этого странного заболевания. Кровь, лимфа, состояние внутренних органов умерших было в норме, и исследования ответа на эту загадку пока не давали. Через какое-то время ученые пришли к выводу, что во время неизвестно отчего возникающего сдвига в психике происходит остановка сердца. И в то же время все прекрасно понимали, что заразиться психическим сдвигом друг от друга маловероятно. Пока они пытались найти решение, эпидемия набирала силу. Люди умирали один за другим,

причем, только в Москве. В остальных городах не наблюдалось ничего подобного. И это было пугающе странно и необъяснимо.

25-ого декабря столицу закрыли, жизнь в ней почти остановилась. Вначале прекратили работу дошкольные и учебные заведения, а следом и все остальные. Функционировали лишь больницы, дежурные магазины и предприятия, поддерживающие необходимые условия жизнедеятельности города. В домах были по-прежнему свет, тепло, вода, и люди, сделав огромные запасы продовольствия, сидели в своих квартирах безвылазно и ждали, когда все это закончится. Возле станций метро круглосуточно дежурили машины Скорой помощи. Метро пока работало, но интервалы между поездами увеличились до часа. Несмотря на это, вагоны ходили практически пустыми. Улицы чистились намного реже и, в основном, только главные магистрали. Город выглядел пустынным, засыпанным снегом, и мертвым.

Петр и Павел со старой овчаркой по кличке Сеть, а попросту Сетка, заступили на дежурство как обычно в восемь утра. Они обошли огромную территорию завода примерно за час и вернулись на пост. Там их уже ждал старший смены.

- Значит так, парни, - начал он и откашлялся, - с завтрашнего дня завод обходить не будем. Кому он, полностью опустевший, сдался? Поступило распоряжение, и вместо завода вы теперь будете обходить близлежащие улицы. Ваш участок я обозначу. И теперь вся охрана будет обходить именно улицы.

- Зачем? – спросил Петр.

- Из-за эпидемии? – предположил Павел.

- Зришь в корень, - кивнул старший, - из-за нее, проклятой. Задание следующее: видите, человек лежит, сразу по рации сообщаете на ближайший пост Скорой. Ясненько? Пока один связывается, другой лекарство вводит.

Старший подошел почему-то к овчарке и ткнул ей пальцем ниже левого уха.

- Сюда колете, - пояснил он. – Лекарство новое, только изобрели от этой напасти.

Сетка подняла морду и с непониманием посмотрела в глаза старшему, но на всякий случай вяло помахала хвостом. Потом зевнула и улеглась у ног охранников.

- Ясно! – одновременно ответили они.

Старший протянул им плоский квадратный чемоданчик, похожий на толстую книгу, и сказал:

- Здесь все нужное. И помните, чем быстрее введете лекарство, тем больше шансов спасти. А дальше уже не ваша забота, врачи Скорой подберут и сделают все необходимое.

Он замолчал, потом зачем-то оглянулся и шепотом добавил:

- И лучше в глаза им не смотреть. Мало ли! Даже мертвякам. А то никто ж не знает, что это за зараза на нас такая напала!

- И ночью тоже обходить? – поинтересовался Петр.

- И как часто? – спросил Павел.

Сетка твякнула, выкусывая блоху возле хвоста.

- Значится так, орлы, утвержденная схема такова: днем делаете обход каждые два часа, ночью – каждые четыре. Утром в восемь сдаете следующим. Кто вас завтра менять должен?

- Марк и Лука, - хором произнесли охранники.

- Вот и чудненько! Удачи, ребятки!

Старший поднял руку, словно хотел перекрестить их, но потом отвернулся и достал из шкафа карту района. Он быстро отметил участок и вышел из дежурки.

Петр и Павел молча переглянулись и подошли к карте, разложенной на столе. Внимательно изучив ее, посмотрели друг другу в глаза.

- Что, Петр, пошли в обход? – предложил Павел.

- Участок не такой и большой, - заметил тот.

И они, свистнув Сетке, вышли из дежурки.

Оказавшись у проходной завода, прикинули, откуда лучше начинать обход. Потом бодро потопали по пустынной заснеженной улице. Возле проходной снег периодически убирали, и идти пока было легко. Вдруг Сетка истошно залаяла, перепрыгнула через снежный вал и скрылась из вида. Павел и Петр поспешили за ней, и, с трудом вытаскивая ноги, перебрались через вал. За огромным сугробом они увидели неподвижно сидящего ребенка лет пяти. Сетка подползала к нему, виляя хвостом и тихо поскуливая. Петр схватил ребенка на руки и принялся тормошить.

- Осторожно! – закричал Павел. – Не смотри в глаза!

- Да иди ты! – резко ответил Петр, вытирая снег с личика ребенка.

Тот пришел в себя и тонко заплакал. Потом начал звать маму. Глаза у него выглядели нормальными, пронзительно чистого голубого цвета.

- Кажется, здоров! – облегченно засмеялся Петр и принялся успокаивать ребенка.

Павел достал рацию и связался с пунктом Скорой, сообщив координаты. Довольно скоро подъехала машина, и они сдали малыша врачам. Потом свистнули Сетке, мочившейся на колесо, и двинулись дальше.

- Ты все-таки это, – недовольно заметил Павел, – будь осторожнее! Зачем сразу на руки хватать? А вдруг заразный?

- Но ведь ребенок, – укоризненно проговорил Петр. – И я слышал, что почему-то дети вообще не заражаются.

- Я тоже, но это по слухам, – закивал Павел. – А в новостных лентах таких сведений нет. И разве можно сейчас что-то знать наверняка? Такой поток самой противоречивой информации. А ты сразу на руки хватать! Смотри! Что это?

Павел замедлил шаг, вглядываясь в бугор слева от дороги.

Сетка уже устремилась туда. Это оказалось лежащее тело человека, занесенное снегом. Собака, осторожно понюхав воздух, тут же отвернула морду и отошла в сторону, поджав хвост. Петр и Павел склонились над телом и начали обметать снег. Показались раскинутые в разные стороны ноги в черных брюках и тупоносых башмаках, разметавшиеся полы пальто, белый шарф, серый подбородок и серо-синие губы, изогнутые в специфической улыбке.

- Стой! – резко сказал Петр и схватил Павла за руку. – Лицо дальше не обметай. Ясно, что мы увидим. Вызывай машину, пусть забирают. А мы уже ничем помочь не можем.

Павел отряхнул снег с рукавиц и отошел от тела. Он достал рацию и вызвал Скорую. Потом глянул на Петра.

- Что, ждать не будем? – спросил он. – Без нас подберут. Тем более тело находится неподалеку от ребенка, которого мы нашли. Может, это был его отец? Он упал, а малыш отправился искать маму. Может, это и спасло его?

- Чего гадать? – недовольно ответил Петр. – Может, так было, а, может, не так. Нам сие неведомо.

Они выбрались на середину улицы и пошли по двум глубоким колеям, оставленным, видимо, совсем недавно колесами грузовика. Сетка плелась сзади.

- А вот интересно, что они все видят перед смертью такого, что заставляет их так странно улыбаться? – задумчиво проговорил Петр.

- Хочешь узнать поточнее? – спросил Павел.

- Боже упаси! – испугался Петр и перекрестился.

В этот момент начало быстро темнеть, и солнце, совсем недавно мягко светившее, закрыли низкие пушистые тучи. Повалил снег. Охранники медленно добрались до конца улицы, внимательно вглядываясь в переулки, повернули направо и вышли на широкий пустынный проспект. Вдали увидели машину Скорой, с трудомдвигающуюся по замеченной дороге. За ней полз черный катафалк.

- Я слышал, уже какие-то очки изобрели, защищающие от этой заразы, – сказал Петр.

- А ты больше слушай! – усмехнулся Павел. – Ох, уж эти жулики! Из всего деньги делают! Еще и неизвестно ничего, а уже всякие изобретатели появляются, спасители человечества, и обещают избавить от новой напасти. В Интернете чего только не начитался! А ведь толком никто ничего и не знает.

Он остановился и смел снег со своей одежды. Потом отряхнул спецовку Петра.

- Смотри, кто это впереди бредет? – спросил тот.

Они пристально вгляделись в колышущийся поток снега и цыкнули на Сетку, рванувшуюся было вперед. Перед ними невдалеке маячили два черных конуса, один повыше, а другой пониже.

- Эй! – зычно крикнул Павел, и конусы остановились и повернулись.

Охранники подошли ближе и поняли, что это два монаха в длиннополых черных рясах, усыпанных снегом. В руках одного из них был такой же квадратный чемоданчик, похожий на книгу, как и у Павла с Петром. В руках другого - толстая потрепанная книга, похожая на чемоданчик с лекарством.

- День добрый, - сказали одновременно Петр и Павел. – Тоже ищите?

- С божьей помощью, - ответил тот, что повыше.

- Что-нибудь знаете? – спросил Павел.

- То же, что и всегда, - сказал тот, что пониже и поднял книгу.

Он раскрыл ее и прочитал без всякого выражения:

- Ибо ты говоришь: «Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть. Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю.

Монах замолчал и закрыл книгу. Затем глянул на охранников прозрачными голубыми глазами, перекрестил их и отправился вслед за вторым монахом, бредущим по дороге. Петр и Павел машинально двинулись за ним.

- И чего он тут зачитывал? – задумчиво произнес Павел.

- Кто ж разберет? – ответил Петр. – Это ж Библия, и текст там больно мудреный. Но что-то про глаза.... Вдруг в тему! Но тут думать не один день надо.

- Да, мы ничего не знаем. И главное, знать не хотим! Вот беда, - сказал Павел. - А почему мы за монахами идем?

- Действительно, почему? - удивился Петр. – Давай свернем с проспекта вон в ту улочку, ведущую к заводу. А то мы уже лишнюю часть захватили, а это не наш участок. К тому же монахи сейчас словно охранники.

Они сошли с колеи и углубились в небольшую улочку, почти полностью заметенную. Снег лежал ровным, вогнутым к середине дороги слоем с выступающими кое-где контурами верха машин и доставал до окон первых этажей. Петр и Павел невольно остановились перед этой снежной нетронутой массой.

- Может, обойдем по проспекту? – предложил Павел. – А то тут мы не пролезем.

Сетка, присевшая возле их ног, завиляла хвостом.

В этот момент из ближайшего к ним дома раздались глухие удары. Кто-то явно пытался открыть дверь подъезда, и охранники полезли напролом по снежной целине. Идти оказалось легче, чем они думали, так как снег был легким и еще не успел осесть и уплотниться. Когда они оказались у подъезда, то начали быстро отгребать снежную массу. Дверь приоткрылась, и выглянула девушка с хорошеньким, но бледным лицом. Она машинальным жестом прикрыла ладонью глаза и виновато опустила голову.

- Не бойся, - мягко проговорил Павел. – Мы не заразные. Но зачем тыходишь? Ведь это сейчас не рекомендуется.

Девушка опустила руку и, щуря глаза, проговорила:

- Мои дети хотят есть, но продукты закончились, а соседи не дают.
- Нужно было позвонить на пункт первой помощи, - сказал Петр.
- Звонила еще вчера утром, но волонтеры так и не появились.

Павел уже говорил по рации. Продиктовав адрес, он сунул руку за пазуху и достал пакет с бутербродами. Сетка тут же оживилась и подскочила к нему, яростно виляя хвостом. Девушка спрятала пакет в карман куртки и тихо сказала:

- Спасибо. А они точно приедут?
- Точно, - кивнул Петр. – И скоро. Ты здесь жди.

Он остро глянул в ее светло-зеленые глаза с маленькими точками зрачков и на розовые губы с опущенными уголками. Девушка вяло улыбнулась и прислонилась головой к косяку двери, устремив взгляд вглубь улицы.

- Ну, мы пошли! – сказал Павел и ободряюще ей улыбнулся. – Сейчас к тебе приедут. Но мы на обходе и ждать не можем.

Девушка кивнула и запахнула полы куртки.

- Сетка! Вперед! – строго проговорил Петр.

Та стояла у двери и не сводила глаз с кармана куртки девушки.

- Кому говорю! – прикрикнул Павел. – Получишь еду в дежурке.

И Сетка тут же двинулась за ними, повилявая хвостом и стараясь ступать в их следы. Охранники пробирались дальше по улице, внимательно оглядываясь по сторонам.

Снег внезапно прекратился, и небо очистилось. Показалось маленькое желтое солнце, тускло осветившее город. Мир из белого и подвижного превратился в застывший и мерцающий. Идти стало веселее. Услышав доносящееся откуда-то залихватское пение, Петр и Павел невольно переглянулись и свернули в узкий переулок. Они увидели тщательно расчищенную площадку возле входа в бар «Веселый разгуляй». Пение доносилось из полуоткрытых подвальных окон бара. Они были ярко освещены.

- Во народ! – ухмыльнулся Петр. – Все нипочем! Гуляют себе!

В этот момент дверь бара открылась, и на улицу вывалился толстый мужчина в распахнутом лисьем полушубке. Сделав шаг, другой, мужчина остановился, сильно шатаясь. И тут же рухнул, как сноп, на спину, раскинув руки в разные стороны. Охранники бросились к нему, с удивлением глянув на Сетку, не проявившую к упавшему никакого интереса. Подбежав, они склонились и увидели его глаза с расширившимися зрачками и идиотскую ухмылку на мокрых губах.

- Скорей! – крикнул Петр, хватая чемоданчик из рук Павла и раскрывая его.

Он вынул ампулу с лекарством. Но мужчина перевел глаза на него и прошептал:

- А где, моя лапусенька? Я ведь еще и не начал...

Он начал хихикать, шевеля пальцами.

- Постой! – резко проговорил Павел и удержал руку Петра, уже готового вколоть лекарство.

- Ты чего? – изумился тот. – Забыл, что у нас всего пять минут?! Вызывай Скорую!

- Да погоди ты!

Павел склонился и втянул воздух возле раскрытого рта мужчины.

- Пьян, - уверенно сказал он. – Ты глянь на него внимательно. Он же просто в стельку, от этого зрачки так расширились. Но Скорую все равно вызвать нужно. А пока втащим его в бар.

Охранники подхватили мужчину под плечи и волоком потащили к двери бара. Он тонко взвизгнул, потом начал хихикать. Дверь настежь распахнулась, и на пороге возникла шатающаяся фигура девушки. Она была в тонком красном топики на голое тело, очень короткой юбке и высоких сапогах. Ее рыжие волосы разметались по плечам, подкрашенные глаза с изумлением уставились на охранников.

- Упс! – вскрикнула она и пошатнулась, с трудом удержав равновесие на высоких тонких шпильках.

Потом вновь сконцентрировалась на охранниках. Засмеявшись, протерла глаза и громко произнесла:

- У меня чего, в глазах троится?!

В морозном воздухе резко запахло алкоголем. Петр и Павел, не ответив ей, втащили мужчину в бар. Девушка отправилась за ними. Они положили его на пол возле стойки и выпрямились. Пока Петр говорил по рации, Павел осмотрел помещение. В баре царил беспорядок. Валялись пустые бутылки и окурки.

- Да тут полный бардак! – присвистнул Павел.

Он перевел взгляд на тощего длинного мужчину, лежащего в какой-то луже. Рядом находились еще двое и что-то бормотали, словно в бреду. На их вытянутых ногах пластом лежала девушка. Ее голова безжизненно свешивалась, длинные светлые волосы закрывали лицо. Павел быстро шагнул к ней и откинул волосы. Приоткрылись мутные голубые глаза, зрачки были расширены, но в пределах нормы. Девушка пробормотала: «Отвали, козел» и тут же отключилась. Павел оттащил ее в сторону и прикрыл валяющейся мужской курткой. Затем обследовал мужчин. Рыжеволосая девушка села у стойки и без конца хихикала, глядя на охранников.

- Обе просто пьяны, - констатировал Павел.

- А мужики? – поинтересовался Петр.

- Тоже в стельку. Пусть врачи сами разбираются. Пошли отсюда!

Они вышли за дверь и, свистнув поджидающей их Сетке, двинулись дальше. Скоро заметили борозды в свежеснеженном снегу, словно кто-то недавно здесь пробирался. Вдруг Сетка залаяла и, утопая по брюхо, бросилась к газетному киоску, который находился в нескольких метрах от бара. Охранники двинулись за ней и заметили за киоском торчащие женские ноги в изящных ботинках на высоких каблуках. Туловище было засыпано снегом, и угадывались лишь его контуры.

- Опоздали, - констатировал Петр.

- И все-таки стоит проверить, - предложил Павел и начал обметать снег.

Появилось белое молодое застывшее лицо, разительно напоминающее фарфоровую куклу. Сходство дополняли золотые кудряшки, разметавшиеся по снегу, белая, гладкая и твердая на вид кожа, нарисованные красные губы, застывшие в ненормальной улыбке. Большие, подведенные черным карандашом глаза с длинными, сильно загнутыми как у куклы ресницами были широко распахнуты и заполнены до отказа угольными зрачками. Снег, не тая, лежал белыми крупинками на блестящей округлости зрачков, и это выглядело жутко.

- Я знаю ее, - тихо произнес Павел и отвернулся. – Это местная девка, известная как Чума.

- Да, это она, - подтвердил Петр и начал связываться по рации. – Сейчас заберут, - после паузы сказал он. – Она, видимо, в баре была с теми, а потом ушла на свою погибель.

- Откуда нам знать? – хмуро ответил Павел и свистнул Сетке, забежавшей за киоск.

Они, не оглядываясь, двинулись дальше.

До конца улицы никого не встретили. Но свернув к заводу, увидели у крайнего дома какого-то парня в распахнутой спортивной куртке, который как ни в чем не бывало отгребал снег от автомобиля. На уже обметенной крыше машины высился большой красный подарочный пакет, с болтающимся на ручке надувным сердечком. Этот яркий глянцевый пакет дисгармонировал с бело-серым унылым фоном и выглядел кричащим пятном. Петр и Павел невольно остановились, разглядывая его. Парень, не замечая их, что-то весело насвистывал, работая ловко и быстро. Но вот он остановился и, медленно поднимая голову, уставился на желтое мутное светило. Потом начал покачиваться, и лопата выпала из его рук. Сетка залаяла и поджала хвост. Павел и Петр бросились к нему со всех ног, но снег сковывал их движения. На ходу они видели, как парень начал заваливаться назад, все так же не отводя глаз от неба, а потом упал

спиной на капот машины, широко раскинув распрямившиеся ноги. Сетка истошно залаяла, парень вздрогнул, и клоунская улыбка загнула вверх уголки его губ.

- Скорее! – заорал Петр, выхватывая рацию.

Павел уже раскрыл чемоданчик, на ходу вытаскивая шприц. Почти упав на парня и стараясь не смотреть в его круглые глаза с огромными, все расширяющимися зрачками, он ввел ему лекарство в шею и тут же выпрямился, отступив назад.

- И что? – отчего-то шепотом спросил он.

- Ждем Скорую, - также шепотом ответил Петр. – Но сюда тяжело им будет подъехать.

Он склонился к прижавшейся к его ноге Сетке и начал поглаживать ее ошетинившийся загривок.

- Только прошу тебя, не смотри ему в лицо! – умоляюще произнес Петр. – Кто ж его знает? Береженого бог бережет.

Парень в этот момент начал выходить из транса. Он несколько раз судорожно втянул носом воздух, его тело дернулось, ноги задрожали.

- Слава тебе господи! – с облегчением сказал Павел. – Он вроде оживает! Давай отнесем его к дороге. Все равно они там поедут.

Они подхватили ничего не понимающего парня и поволокли по снегу. Но тут он окончательно пришел в себя и сел, глядя на них совершенно нормальными глазами.

- Что это было? – глухо поинтересовался он.

И уголки его улыбающихся губ опустились.

- Ты в порядке! – ответил Петр. – Сейчас врачи тобой займутся.

- А зачем? – спросил парень и попытался встать.

Но плюхнулся в снег.

- Проверят кое-что, - ласково проговорил Павел. – Ты помнишь хоть что-нибудь?

- Ох, ребята! – с воодушевлением начал парень. – Я сейчас такое увидел! Я ж к своей девушке собрался.... Она, малышка моя, через пару кварталов живет.... День рождения у нее сегодня.... Хотел поздравить, и устроить праздник, пусть маленький, но все же порадовать. А то эта эпидемия, черт бы ее побрал! Думал о своей милой, как она удивится, что я смог до нее добраться.... И вдруг перед внутренним взором вместо ее симпатичного личика возникло строгое худое лицо с пронзительно голубыми глазами, смотрящими мне прямо в душу.... Я аж задрожал...

Он начал крутить головой. Но вдруг задумался, сник и с недоумением глянул на охранников.

- А что я видел? – удивленно проговорил он и закрыл глаза.

- Да, что конкретно ты видел? – с интересом спросил Павел.

- Я сейчас побывал там..., - тихо произнес парень и замолчал, открыв глаза.

Его зрачки к ужасу охранников вновь начали расширяться.

- Не приставай ты к нему с идиотскими расспросами! – сердито пробормотал Петр. – Вон, уже и Скорая едет!

Они посмотрели на медленно ползущую белую машину. Когда она остановилась, из нее выскочили двое мужчин с носилками и двинулись к ним. Пока они осматривали парня, Петр и Павел подробно рассказывали им о произошедшем. Скорая забрала больного, а они отправились на завод. По пути больше никого не встретили.

Зайдя в дежурку, первым делом вынесли еду Сетке. Потом разделись, налили чаю и сели к столу. Внимательно посмотрев в глаза друг другу, улыбнулись. Зашел старший, и они доложили результаты обхода.

- Отдыхайте, парни, - сказал он. – Скоро снова отправитесь в путь.

Эпидемия бушевала в столице до Нового года, потом резко пошла на убыль. А 7 января за сутки не погиб ни один человек, и врачи вздохнули с облегчением. Через неделю объявили, что

положение окончательно стабилизировалось, и начали приводить город в порядок. Довольно быстро Москва зажила обычной жизнью, правда, населения убавилось наполовину. Приезжие, покинувшие город еще в самом начале эпидемии, возвращаться не спешили, хотя Москва к 14 февраля уже была открыта.

Ученые так и не смогли определить, что за странная болезнь поразила жителей столицы. По статистике 90% погибших были хорошо обеспеченные мужчины в возрасте от 25 до 45 лет. Детей и стариков болезнь не коснулась, а женщины по неизвестным причинам быстрее и легче выходили из транса, поэтому многие из них смогли выжить.

И почти все, кто был спасен, говорили лишь одно: им в глаза смотрела Вселенная. Но никаких подробностей не сообщали.

У картины

Жанна вошла в музей в слегка раздраженном состоянии после только что произошедшей ссоры с приятелем.

«Надоело! – думала она, проходя мимо картин и не глядя на них. – Все одно и то же: деньги и еще раз деньги! А ведь у него их куры не клюют. Это я точно знаю! Он просто жмот!»

Жанна постепенно замедлила шаг.

- Подумаешь, попросила на красивый брендовый комплект белья. И что? – вслух произнесла она. - Такая роскошная фигура, как моя, требует соответствующего оформления!

Ее выразительное подвижное лицо с карими, густо накрашенными глазами приняло надменный вид.

Жанна усмехнулась. Яркие крупные губы капризно изогнулись, на щеках обозначились две ямочки. Она провела длинными холеными пальчиками по изгибу бедра, обтянутого узкими белыми брючками, и довольно рассмеялась. По длинному залу музея прокатилось эхо, и Жанна, невольно замолчав, оглянулась. Но в зале больше никого не было. Вновь улыбнувшись, она открыла маленькую кожаную сумочку. Золотой замочек звонко щелкнул, и Жанна вновь посмотрела по сторонам.

«Тут прямо могильная тишина», - недовольно подумала она, доставая изящное овальное зеркальце.

Открыв его, Жанна внимательно всмотрелась в свое лицо. Потом вынула из косметички тюбик губной помады и тщательно подкрасила губы. Тихо вздохнув, аккуратно закрыла сумочку.

Она рассеянно оглядела зал. Ее взгляд зацепился за большую картину, висящую на противоположной стене. Она выделялась среди других странным форматом. Полотно было узким и длинным и висело вертикально почти от пола до потолка. Низ картины был почти черным, потом фон становился все светлее, а верх был настолько ясным, что казалось, от него исходит сияние. Контуры двух, вытянутых в какой-то странной позе фигур притягивали взгляд. Жанна, заинтересовавшись, подошла ближе. И замерла, разглядывая полотно.

На картине были изображены две девушки, блондинка и брюнетка.

- Без макияжа что ли? – недоуменно пробормотала Жанна, внимательно изучая лицо блондинки, написанное размытыми бледными тонами. – Как она, однако, увязла! – хмыкнула она, не отводя глаз от изображения.

И чем дольше она смотрела, тем больше замечала какие-то мелкие детали. Картина словно оживала на ее глазах, становилась более четкой, объемной и выпуклой. Жанна перевела взгляд вниз и ясно увидела, что черная грязь, в которой увязла блондинка, сочится влагой и от этого жирно блестит. Грязь была и на подоле ее нежно-голубого воздушного платья, и на полуразвитых тонких прядях светло-пепельных волос, падающих ей ниже пояса. Фигура была развернута к зрителю вполборота, хрупкое худощавое тело тянулось вверх, ноги, почти до

колен, утопали в грязи. Влажная масса плотно облепила их, словно огромные черные лапы держали девушку снизу. Правая рука безвольно висела вдоль туловища. На ней были пятна еще не просохшей, и от этого поблескивающей грязи. Голова, склоненная к плечу, была обращена лицом к зрителю.

Голубые глаза, прикрытые длинными светлыми ресницами, казались прозрачными, как вода, потому что зрачки выглядели, как крохотные коричневые точки. Взгляд блондинки был лишен какого-либо выражения. От этого казалась, что она в обмороке. Маленькие губы с опущенными уголками художник слегка обозначил матовым розовым тоном. Они были еле различимы на общем бледном фоне лица. Даже светло-серые пятна уже подсохшей грязи выделялись ярче на восковой щеке девушки.

Взгляд Жанны скользнул выше по вытянутой вверх левой руке. Она резко контрастировала напряженными мышцами, чуть покрасневшей кожей и выступающими голубыми жилами с общей бледностью облика блондинки. В запястье этой вытянутой в небо руки цепко впивались сильные и более крупные пальцы. Жанна стала внимательно изучать фигуру второй девушки. Та летела вверх, в небо и с силой тянула за собой блондинку.

«Подумаешь, что он меня содержит, - не зная почему, подумала Жанна, глядя на алое платье брюнетки, подол которого захлестывался вокруг длинных крепких ног, словно от порывов сильного ветра. – Но ведь он спит со мной и получает удовольствие. Вот и платит за это. Какого черта я думаю об этом?!»

Жанна нахмурилась, но продолжала смотреть на картину. Раньше она никогда не задумывалась о своих отношениях с мужчинами. Ей казалось, что все хорошенькие девушки живут по такому принципу.

«Ну, не люблю я его, что из этого? – лезли в ее головку непрошенные мысли. – Любовь ведь только в кино, а это – жизнь. Почему же не воспользоваться своей молодостью и красотой, раз все эти озабоченные готовы платить?»

Она усмехнулась и вновь сосредоточилась на брюнетке. Ей стало даже немного не по себе от вроде бы нарисованных, но очень живых и блестящих глаз девушки. Они были яркими и карими, опущенными густыми ресницами. Крупные черные кудри растрепались и падали на лоб, пухлые красные губы были закушены от напряжения, щеки пылали. Жанна даже заметила крохотные капельки пота, блестевшие на лбу девушки. Она летела вверх, изо всех сил удерживая блондинку правой рукой, а левую вытянув в небо, словно пытаясь ухватиться за что-то в пустой, мягко сияющей вышине.

Обе фигуры составляли одно неделимое целое. У Жанны возникло ощущение, что их буквально разрывают на две части прямо у нее на глазах. От картины исходило невероятное напряжение, которое Жанна почувствовала чисто физически. И от этого у нее побежали неприятные мурашки по спине. Она слегка передернулась.

- Что за дела?! Меня прямо пробирает! И как-то становится мерзко... на душе! – нервно сказала она и, открыв сумочку, достала зажигалку и пачку сигарет.

Закурив, она продолжала смотреть на полотно, не в силах отвести взгляд, и вдруг услышала быстрые шаркающие шаги. Возмущенный старушечий голос воскликнул за ее спиной:

- Вы с ума сошли?! Это вам не ночной клуб! Здесь курить не положено. Вы – в музее!

Жанна испуганно обернулась, смяла сигарету и сунула ее в карман белых кожаных брючек. Она извинилась перед смотрительницей, скомкала, закусив губу, отвергнутые той деньги и торопливо вышла на улицу.

Майский ветерок коснулся ее разгоряченного лица приятной прохладой. И она остановилась, прикрыв глаза.

«И зачем я только туда потащилась? – раздраженно подумала она. – Ну и дурацкая картина! Даже не посмотрела, как называется и кто автор этого бреда. Придет же такое кому-то в голову!»

Жанна глубоко вздохнула, открыла глаза и машинально поправила волосы. Потом медленно пошла по улице, помахивая сумочкой. Ей доставляло удовольствие чувствовать, как она упруго идет, как ее молодое тело пышет здоровьем и энергией, как дорого и к лицу она одета. Единственное, что омрачало удовольствие, это новые туфли. Они явно были узки и немилосердно сдавливали пальцы.

«Блондиночка-то здорово влипла», - подумала Жанна, вновь возвращаясь мыслями к картине.

Она ясно увидела силуэты девушек, словно они сфотографировались и остались в ее памяти. Жанна прищурила глаза и тряхнула блестящими завитыми волосами.

«Но вот черненькая зачем так надрывается и тащит ее из этого болота? Бросила бы! – Жанна скривила яркие губы. – Что я все про них вспоминаю? Очень надо! Вон, день-то какой!»

Она посмотрела на деревья, растущие вдоль улицы. Они уже оделись первой, пока еще чистой и яркой листвой. Жанна весело улыбнулась. Из проезжающей машины ей свистнул какой-то парень, и она ответила ему понимающим смешком. Настроение ее сразу поднялось.

«Ерунда - все эти картины! Все надумано», - решила она, лениво следя взглядом за неровным полетом крапивницы, ошалевшей от яркого майского солнца.

Жанна подошла к скамейке под кустом сирени и, вытерев поверхность носовым платком, села, закинув ногу на ногу.

«Туфли все-таки жмут невозможно», - подумала она недовольно и с трудом подвигала затекшими пальцами в узком пространстве.

Потом достала сигарету и закурила. Ее тонкие белые пальцы ловко стряхивали пепел, и она бездумно следила за его медленным падением. Непонятная грусть вошла ей в душу и заполнила ее ненужной тяжестью.

- Спасение, - сказала Жанна и хмыкнула, скривив губы. – Кому это нужно? Жизнь устроена так, что каждый выплывает сам и надеяться не на кого. Зачем кого-то спасать? Тем более, такую овцу.

Поникшая фигурка блондинки, ее безжизненное лицо вновь появились перед ее глазами.

«Неужели я стала бы так лезть из кожи ради кого-то? – подумала Жанна. – Так себе жилы рвать? Оно мне надо?»

Задав себе этот вопрос, Жанна с изумлением поняла, что не может на него ответить. За всю ее двадцатилетнюю жизнь такие вопросы никогда не приходили ей в голову. Настроение ее почему-то вновь испортилось.

- Плевать я хотела на все это! – воскликнула она и вскочила.

Но внезапные и необъяснимые слезы набежали на глаза. Она достала зеркальце и аккуратно, стараясь не смазать тушь, вытерла их. Потом отправилась по улице, уже не замечая солнечной прелести майского дня. Она разозлилась оттого, что никак не могла вернуть себе то безоблачное мироощущение, в котором находилась практически постоянно. И это ее невероятно раздражало. Растревоженная непонятно чем душа искала ответы на неизвестно откуда появляющиеся странные вопросы. И Жанна не могла остановить этот процесс.

Она решила не встречаться сегодня с приятелем и отправилась домой. По пути, удивляясь сама себе, подала мелочь какой-то старушке, сидящей у стены магазина. А возле подъезда подобрала и принесла в свою маленькую, но стильную квартиру тощего, невероятно грязного и совсем не породистого бездомного котенка...

Из его сообщений

24 августа

Я счастлив, что ты есть у меня!

14 сентября

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!!!

16 сентября

Прошу прощения, что не перезвонил. Ты сейчас где?

19 сентября

Кто у тебя на телефоне повесился? Не могу дозвониться!!!

1 октября

Спокойных снов, красивых сновидений!

Я у Морфея попросил, чтоб он твой сон благословил!

Я – рядом. Ты почувствуешь, наверно...

10 октября

Я шлю тебе небесный поцелуй, мое небесное создание,
и сладких снов моих венец воспоминаний...

5 ноября

Ты где? Я соскучился!!!

3 января

Ты – мой самый любимый малыш!

11 февраля

Не играй с огнем! А то сама сгоришь!

14 февраля

Я тебя буду любить ВЕЧНО

4 апреля

Ты где?!! Почему не отвечаешь?!!

16 июня

И я скучаю. Я тебя люблю. Потерпи, скоро увидимся.

16 июня

Мне безумно одиноко этой ночью без тебя.

10 июля

Когда вы возвращаетесь? Я – SOSкучился!

5 августа

А я тебя люблю в два раза сильнее!

Сладких снов, малыш мой любимый

7 сентября

Целую тебя НЕМЕДЛЕННО!

Спокойной ночи! Я хочу тебе присниться сегодня.

И буду с тобой всю ночь»

6 октября, час ночи

Мне не отогнать Тоску. Она лазоревым мотыльком прилетает ко мне в полночь, садится на плечо и превращается в огромную черную птицу Печали...

4 ноября

Я перестану любить Тебя только тогда, когда слепой художник нарисует звук падения розы на хрустальный пол дворца, которого нет...

9 декабря

Я полюбил другую! Прости!!! Прощай.

PS

Адресат этих посланий, ждала на тот момент ребенка. Она любила и была уверена и в нем, и в его преданной вечной любви. Она решила устроить романтический ужин 14 декабря, в день его рождения, и хотела сообщить о счастливом событии, про которое он еще ничего не знал.

Когда она прочитала последнее сообщение, от полученного шока у нее началось кровотечение, и ребенок умер.

Ночью, в палате клиники, в совершеннейшем отчаянии, лежа без сна, она отправила сообщение:

«Когда же ослеп художник? И нарисовал звук падения розы на пол дворца?»
И через час, впадая в оцепенение от успокоительных препаратов, следующую:
«А, может, та роза упала на крышку моего хрустального гроба?»

Но ответа не было. Он так ничего и не узнал.

Вишневая метель

Впервые я увидела его во время самой настоящей вишневой метели. Был ясный, но очень ветреный день. Я гуляла по парку, лениво думая о всевозможных мелочах, забрела в заросли цветущей вишни и увидела под одним из кустов маленькую скамейку. Кому-то пришла фантазия покрасить ее в белый цвет, и она почти сливалась с густо цветущими и низко висящими ветвями вишни. Юношу, сидящего на ней, я даже не сразу заметила, так как его одежда была белого цвета.

Я шагнула в сторону скамейки, и в этот момент сильнейший порыв ветра взлохматил мои волосы и, пробежав по вишневым кустам, сорвал с веток множество лепестков. Они закружились в воздухе беспорядочными белыми вихрями. Юноша поднял голову от книги, наши взгляды встретились. Я ощутила странный сильный жар, словно по моим венам побежала не кровь, а огненная лава, и остановилась. Юноша не сводил с меня взгляда. И я, сама себе удивляясь, подошла и села рядом.

- Простите..., - нервно начала я, понятия не имея, что скажу дальше.

И прямо посмотрела в его глаза. Они были золотисто-зелеными, словно виноградины, подсвеченные солнцем. И это было так красиво, что я задохнулась от восторга и замолчала.

- Меня зовут Антон, - тихо произнес он и закрыл книгу.

Опустив глаза, я прочла на обложке: «Игорь Северянин. Лирика».

«Мой любимый Серебряный век!» – мелькнула мысль, и я невольно улыбнулась.

Жар отхлынул от моего лица, я немного успокоилась.

- Александра Сергеевна, - ответила я, неожиданно представившись по имени-отчеству.

- Очень приятно, - сказал он нарочито равнодушно, но глянул на меня с нескрываемым любопытством. И сразу опустил глаза.

Ресницы у него были длинные, пушистые и намного темнее светлых волос, густо засыпанных вишневыми лепестками. Я быстро провела пальцами по прядям. Лепестки посыпались вниз, а один зацепился за его ресницы. Антон смешно сморщился и моргнул. Я сняла лепесток. Почувствовав, как он вздрогнул, я удивилась мгновенному отклику моего тела и с трудом сдержалась, чтобы не обнять. Антон покраснел и беспомощно улыбнулся. И я, найдя его узкую прохладную ладонь, встала и потянула его за собой.

- Пошли, пройдемся, - предложила я, улыбаясь в ответ. – Зачем сидеть на таком ветру? Ты можешь простудиться, - заботливо добавила я.

Антон послушно встал, стряхнул с белых джинс лепестки и пошел рядом. Мне

вновь невыносимо захотелось обнять его, но я сдержалась. Мы шли, иногда поглядывая друг на друга, и молчали, периодически улыбаясь. В таком молчании мы гуляли около часа, и никогда я не испытывала такой долгой и все нарастающей нежности. И совсем по-другому увидела светлое небо, испещренный летящими лепестками воздух, чистую, еще короткую траву под ногами, зеленоватые глаза Антона, которые изредка глубоко заглядывали в мои. Мне уже хотелось говорить, чтобы стало легче переносить эту необычайную молчаливую нежность. Но

я боялась разрушить то, что возникало между нами. От резких порывов ветра холодок пробежал по коже, и остро хотелось тепла и близости.

Но вот вокруг что-то начало неувовимо меняться. Ветер, нагнав высокие и тонкие облака и словно выполнив свою задачу, утих. Мир как-то странно потух, очертания окружающих предметов стали неясными, будто их окутала светло-серая дымка. Я обратила внимание, что в этом новом мире мягких полутонов белые джинсы и куртка Антона кажутся неожиданно яркими. Тут только я отметила, что он не очень высокого роста. Он был чуть выше меня, его фигура казалась хрупкой и изящной. Антон шел рядом мягко и бесшумно, словно плыл. И я вновь почувствовала сильнейший прилив нежности. Не в силах справиться с ним, остановилась, взяла его за руки и развернула лицом к себе. Он улыбался, но молчал.

- Странно, но впервые в жизни я понимаю, что слова не нужны. А ты? – спросила в волнении.

- Не нужны, - тихо подтвердил он и потянулся ко мне губами.

- Тебя ничего не смущает? – шепотом уточнила я.

- Ничего!

Поцелуй был долгим. Когда я оторвалась от его мягких губ, то увидела, как он побледнел. Антон медленно открыл затуманенные глаза, глянул на меня с затаенной улыбкой, и я с мгновенно пронзившей острой болью, поняла, что люблю этого, совершенно незнакомого мне парня. Люблю по-настоящему впервые за свои сорок девять лет.

Антон жил с родителями и младшей сестрой. Вначале я решила, что ему не больше семнадцати, но оказалось – двадцать. Он работал в типографии печатником. Мне казалось милым и забавным совпадением, что моя фамилия была Антонова, а его – Александров. Он же видел в этом несомненный мистический знак и говорил, что с рождения принадлежит мне, а я – ему, и как только я шагнула к нему из вишневой метели, он мгновенно это осознал. После более близкого знакомства Антон показался мне довольно странным парнем. Он был равнодушен ко всему на свете, даже к своей работе, но буквально помешан на поэзии Серебряного века. Удивляюсь, почему он не сделал эту страсть своей специальностью. Знания его были колоссальны. Причем он не просто отлично знал биографии поэтов и тексты, а чувствовал это время душой. Иногда казалось, что он жил именно тогда, и, родившись заново, сохранил память о том периоде. А сколько он собрал литературы по теме! В его комнате две стены от пола до потолка занимали стеллажи, туго уставленные книгами. И маршруты для прогулок Антон выбирал весьма специфические. Мы часто гуляли без всякой цели, но через какое-то время, непостижимым для меня образом, оказывались в каком-нибудь очередном, любимом Антоном переулке. Он внезапно останавливался и говорил немного торжественно:

- А знаешь, Сашенька, здесь, вот на этом самом месте, вернее на месте этой безобразной кирпичной многоэтажки, стоял двухэтажный деревянный дом семьи Цветаевых. И именно в нем в 1892 году родилась Марина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.